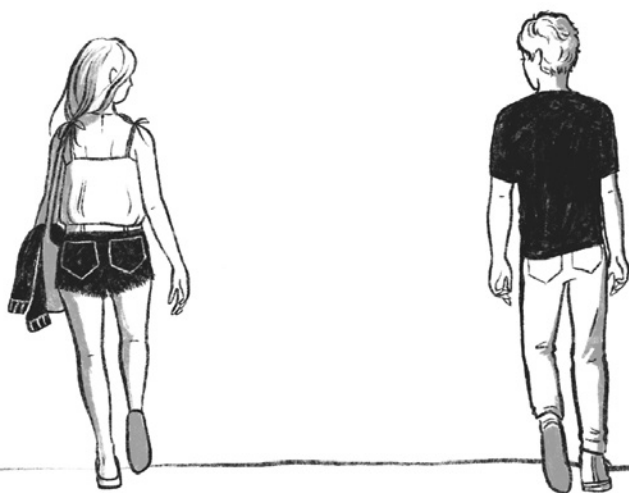

I Поскольку ночь

Пятница

10:30

Я стояла внизу у лестницы с дорожной сумкой в руках и пыталась вспомнить, не забыла ли чего. Очень хотелось расстегнуть сумку и еще раз перебрать вещи, хотя я целое утро только тем и занималась, что убеждала себя: все собрано как надо.

— Все взяла? — спросил папа. Он сидел за кухонным столом и бился над кроссвордом в «Нью-Йорк таймс».

— Если и нет, раньше чем на полпути не вспомню, — ответила я, опуская сумку на пол. Перешагнула через собачьи миски с водой и кормом, подошла к холодильнику, отодвинула открытки и фотографии, чтобы открыть дверцу. Было еще совсем рано, но я проснулась задолго до звонка будильника: события грядущего дня безостановочно крутились в голове. — Оно так всегда бывает.

— Как настроение? — Папа повернулся ко мне лицом, отложил кроссворд. То ли потому, что действительно переживал, то ли потому, что ему надоело ломать голову над номером пять по диагонали.

— Нервничаю, — призналась я. Но это ж нормально, разве нет? Когда делаешь что-то впервые в жизни. — Но и предвкушаю тоже.

— Ну, счастливо, — сказал папа. От уголков глаз побежали морщины: он улыбнулся. — И аккуратнее. Возвращайся целой и невредимой.

— Постараюсь. — Я выглянула наружу — там ярко светило солнце и деревья качались на ветру. — Погода хорошая, и, если соберешься в парк, Зиртек точно не помешает.

Папа усмехнулся:

— Принял к сведению.

Я наклонилась, посмотрела на кроссворд:

— Лови забавный факт: человека, который составляет кроссворды, называют крестовербалистом. Ты это знал?

— Нет, — ответил папа и снова взял газету. — Но я бы не отказался от помощи с девятнадцатым номером по вертикали.

Я приобняла его, пересекла кухню, взяла сумку.

— Если я тебе буду подсказывать, никогда не научишься.

Папа ухмыльнулся:

— Мстишь, да? За то, что я то же самое тебе говорил, когда у тебя были вопросы по математике?

Я рассмеялась:

— Доберусь — позвоню.

— Аккуратнее за рулем! — крикнул папа; он уже успел снова сосредоточиться на кроссворде и тихо бормотал проклятия в адрес Дэвида Квонга.

Я чуть-чуть постояла, огляделась: в кухне тихо, папа там, где положено, на стене тикают часы. Я попыталась все запомнить — знала, что скоро начну скучать, — а потом выдохнула.

Подхватила сумку и пошла к двери.

Воскресенье

16:30

Сидя в одиночестве на полу автовокзала, я наконец-то при-
зналась себе в том, что зря поперлась на этот музыкальный
фестиваль.

Я вообще-то не из тех, кто ездит на музыкальные фестивали.
Дома, в Лос-Анджелесе, я, конечно, бывала на концертах: с па-
пой в «Голливуд-боуле», с друзьями в Греческом театре и «Тру-
бадуре», но не на настоящих фестивалях, которые с ночевкой.
Не на таких, где будет что-то *такое*, что я видела на фотках
в инстаграме* и в поучительных документалках.

Но когда шесть дней назад мне вдруг позвонила Роми
Андреони — мы с ней не общались два месяца, с самого выпуска,
да и раньше, если честно, не то чтобы очень — и спросила, не
хочу ли я на выходных съездить с ней в Сильверспан, я тут же
ответила «да». Музыкальный фестиваль в Сильверспане — невад-
ская Коачелла! — проходил в трех часах пути от Вегаса, то есть
ужасно далеко от всего остального. Мне показалось, что это
классно: можно ненадолго от всего сбежать, да и соберутся

* Деятельность продуктов компании Meta (Instagram и Facebook)
запрещена на территории РФ.

там только люди, готовые ради музыки на такое вот паломничество. Но теперь, застряв в беспросветной глуши, я начала думать, что это скорее баг, а не фича.

Как только я согласилась поехать на фестиваль, у меня в голове будто бы запустился фильм, где показывали, как все будет. Замечательное приключение, яркие солнечные пятна, дальше монтаж эпизодов: мы с Роми носимся туда-сюда в отличном настроении, слушаем лучшие в мире группы под бескрайним западным небом. А поскольку я решила выйти из зоны комфорта и рискнуть, прямо как героиня фильма, я не сомневалась, что судьба меня вознаградит и на фестивале будет ужасно здорово, потому что обычно оно именно так и работает.

В свете того, что случилось дальше, все это теперь казалось полной чушью.

Я уже час тряслась в автобусе, который вез меня с фестиваля обратно в Лос-Анджелес, — одна, потому что Роми бросила меня почти сразу, как только все началось, — и тут вдруг обнаружила, что куда-то подевалась косметичка, где лежали зарядник и почти вся наличка. Никаких других средств оплаты у меня не было: я последовала совету с сайта под названием «Секреты Сильверспана» и оставила дебетовую и кредитную карточки дома. Я вцепилась в дорожную сумку, уставилась в окно — сердце неслось вскачь — и сказала себе, что все хорошо, у меня в кармане достаточно денег, чтобы забрать машину с парковки на «Юнион-Стейшн», а уж за семь часов пути наверняка найдется хоть кто-то, кто одолжит мне зарядник. Даже если нет, не страшно, я скоро буду дома.

Тут автобус вдруг тряхнуло, он замедлился, из двигателя повалил дым, что ничего хорошего не обещало.

Водитель дотащился до ближайшего съезда, и мы свернули в Джесс, штат Невада, — двигатель всю дорогу обиженно кряхтел. Высадились на автовокзале, зашли внутрь, поболтались там, потом пришел водитель и велел забрать вещи из салона, потому что починят автобус не скоро. Сказал, что тем, кому нужно попасть в Лос-Анджелес сегодня вечером, придется сперва добраться до Вегаса, где будет ждать другой автобус. Мы сейчас в двух часах к северу от Вегаса, или в часе к югу от Эли. Можно также сесть на автобус в Эли, но он уходит только в полночь. Если нас не устраивают оба эти варианта, можно остаться здесь до семи утра — тогда пришлют автобус на замену.

Я попробовала поискать попутку в интернете — когда я в последний раз смотрела на экран, уровень заряда был меньше десяти процентов, но мне хотелось узнать, какие есть варианты. Скоро выяснилось, что никаких. За двухчасовую поездку до Вегаса просили столько, что я и думать об этом не стала. Даже до Эли для меня было очень дорого. Приложения у меня были привязаны к дебетовой карте, а на ней не хватало средств, чтобы заплатить.

Люди постарше, за двадцать и за тридцать, повытаскивали телефоны. Я смотрела, как они вызывают такси и выходят на улицу ждать — судя по всему, все друг друга знали, одиночек не было вообще. Мелькнула мысль: может, попросить кого-то меня прихватить? Но ведь это даже опаснее, чем оставаться

здесь! И если мне не хватит денег заплатить свою долю — что тогда?

Так что я просто взяла свою поклажу — палатку, дорожную сумку и холщовую сумочку — и устроилась у дальней стены автовокзала под декоративным зеркалом. До меня постепенно доходило, что выбора нет, придется ночевать здесь. В зале остались еще люди, которые вроде как тоже приготовились торчать тут до утра: мужик постарше, растянувшийся на лавке, парочка, парень примерно моего возраста — по крайней мере, я не одна.

Решив успокоить мысли, я стала подсчитывать. Новый автобус подадут в семь, значит, к полудню я буду в Лос-Анджелесе, то есть папе можно про все это и не рассказывать. Я позвонила ему, когда автобус сломался, хотя индикатор заряда уже стал красным. Но дозвониться не получилось: папа на выходные уехал на рыбалку с моим дядей Дрю, в домик дяди на озере Шейвер. Это место славилось своей плохой связью. Ничего не добившись, я написала сообщение, что автобус немного задерживается, но волноваться не о чем. Отправила и мысленно поблагодарила судьбу за то, что папа вернется только в понедельник днем. Потому что знала заранее: ему совсем не понравится, что я осталась ночевать на полу автовокзала в Неваде, подложив под голову дорожную сумку. А именно к тому все, похоже, и шло. Других вариантов я не видела.

Еще одна неприятность заключалась в том, что в понедельник мне предстояло улетать ночным рейсом в Нью-Йорк — но сейчас только середина дня воскресенья, вряд ли я опоздаю.

И хотя вообще-то мне совсем не хотелось садиться в самолет и лететь учиться в какую-то богом забытую дыру под названием Коннектикут, я понимала, что выбора нет, и не собиралась опаздывать на рейс, на который папа купил мне билет. Ладно, переночую здесь, утром сяду в автобус, днем в понедельник буду дома — времени хватит.

Все будет хорошо.

А если не хорошо, то как минимум нормально.

Но пока я пыталась себя в этом убедить, перед глазами как живые стояли две мои лучшие подруги и смотрели на меня с одинаковым скептическим выражением на лицах. Кейтлин и Дейрдре Мередит, они же Кэти и Диди, они же КэтиДид, с которыми я дружила с тех самых пор, как они переехали из Колорадо в мой родной городишко близ Лос-Анджелеса, этикие ангелы-хранители, посланные охранять меня от ужасов седьмого класса. Совершенно одинаковые чернокожие близняшки с курносими носами, темными глазами, длинными вьющимися волосами и обостренной способностью вычислять всякую хрень.

«Дарси, я же тебе говорила», — так и звучал у меня в голове голос Диди. Она пыталась скрыть радость от того, что у нее появилась возможность вернуть любимую реплику, но получалось плоховато.

«А мы ведь тебя предупреждали, — присоединилась к сестре Кэти. — Ты ждала чего-то другого от Роми Андреони?»

«Да она с чего-то решила, что все будет хорошо», — тоном всезнайки добавила Диди.

Диди и Кэти всегда считали это моим колоссальным недостатком, но я если принимала решение, то уже от него не отступалась. Какой смысл ходить и думать: а может, лучше как-то по-другому? Бывают случаи, когда сразу понятно, где черное, а где белое. Но подруги вечно тыкали меня в это носом — иногда даже с помощью строчки из песни. «И передумывать Дарси теперь не будет», — обожала напевать Кэти на мотив *Anna Begins* — песни в исполнении любимой группы ее мамы.

Кстати, нельзя сказать, что я вообще не меняю своего мнения — насчет комбучи изменила полностью и часто напоминаю об этом девчонкам. И все равно я замечала, что первое впечатление почти никогда меня не обманывало. А вот как начнешь сомневаться — тут и вляпаешься.

«Дарси просто решила, что попадет в кино, — сочувственно произнесла Диди. — Для нее это обычное дело».

«Так и есть! — согласилась Кэти у меня в голове. — Вот только, пожалуй, это больше похоже на фильм ужасов. Нужно было заранее уточнить жанр».

Я огляделась и поняла, что она права: я застряла в каком-то заброшенном месте без телефона. Мы с Диди и Кэти организовали собственный киноклуб, собирались по вечерам каждую пятницу, название придумали творческое: «Вечер пятницы». А поскольку Диди вечно заставляла нас смотреть ужастики, ситуаций, похожих на мою, я видела немало.

Я, впрочем, вытолкнула эту мысль из головы и, чтобы отвлечься, стала озираться по сторонам. В первый раз худо-бедно

рассмотрела помещение, которому на ближайшие пятнадцать часов предстояло стать моим домом. В какой-то период истории Джесса автовокзал явно был железнодорожным. Почти всю стену тянулось табло, сверху было напечатано: «РАСПИСАНИЕ ПАССАЖИРСКИХ ПОЕЗДОВ СЕВЕРНОЙ НЕВАДЫ», ниже были оставлены графы для Эли, Кобра и Мак-Гиля и времени отправления поездов.

Бывший железнодорожный, а теперь автобусный вокзал был просторным, высокие потолки, кафельный пол, в центре потолка большая деревянная люстра. Деревянные скамейки, у дальней стены ряд деревянных кабинок, в которых когда-то наверняка висели телефоны-автоматы — ни одного не осталось. «ТЕЛЕФОН» — врал вывеска над кабинками.

В окошках касс было темно, снаружи они были задернуты шторками. В противоположных углах находились два туалета: где какой — поясняли ковбой в широченных штанах и ковбойка с лассо. Имелся питьевой фонтанчик, а за пустыми телефонными кабинками приткнулся торговый автомат с периодически гаснущей вывеской. Я посмотрела на него и вздохнула, понимая, что именно оттуда мне предстоит достать ужин — а может, и завтрак тоже.

Вытащила телефон уточнить время — и уже через секунду пожалела об этом. Есть ведь часы на стене. Посмотрела на индикатор заряда, сердце сжалось: всего два процента.

Процесс зарядки телефона на фестивале стал для меня настоящим кошмаром. Зарядных станций не хватало, к ним выстраивались длиннющие очереди. А сигнал и вайфай то

появлялись, то исчезали, мгновенно вытягивая весь заряд, который удалось раздобыть.

Я посмотрела на свирепо алеющую батарейку — она как будто бы осуждала меня. В обычной жизни — не на автовокзалах и не на музыкальных фестивалях в Неваде — телефон у меня всегда был заряжен. Я вечно шпыняла по этому поводу Кэти, потому что ее мобильник постоянно вырубался, как правило в самый неподходящий момент. «Два процента — это жирность молока, а не зарядка телефона!» — фыркала я на нее.

И вот сейчас я отчаянно ругала себя за то, сколько пользовалась телефоном по всяким ерундовым поводам, просто потому, что становилось скучно. Например, поймала сигнал и принялась лениво пролистывать «ДитМуа» на предмет сплетен о знаменитостях (Скарлетт Йоханссон устроила бранч; Уайли Сэндерс из «Ночных ястребов» судится с женой, которая его намного моложе, за дом в Теллуриде и опеку над трехлетними близнецами; говорят, что у Зендеи кризис в отношениях; фотографии с роскошной свадьбы Эми Карри в Кентукки). В автобусе я перечитала две главы «Судна Тесея» в приложении для электронных книг. Это самый мой любимый роман, и, хотя дома есть целых два экземпляра, в твердой и мягкой обложке, я держу в библиотеке электронную копию, чтобы текст всегда был при мне.

Впрочем, если подумать, главной ошибкой стало то, что я полностью записала для папы выступление «Ночных ястребов». Нужно было ограничиться «Дарси», песней, в честь которой он меня назвал. Папа фанател от этой группы еще со времен

университета — некоторые рок-журналисты называли ее «американской U2», хотя папа всегда утверждал, что, наоборот, это U2 похожа на «Ночных ястребов». Вживую он их не видел много лет, с тех пор как главный вокалист и фронтмен Уайли Сэндерс стал регулярно выступать в Вегасе, в отеле «Уинн». Несколько лет назад я предложила сходить на их концерт в папин день рождения, но он покачал головой: «“Ястребов” нужно слушать на стадионе. А не в казино рядом с торговым центром в глухой пустыне. — Он улыбнулся и хлопнул меня по голове кроссвордом. (“Нью-Йорк таймс” за среду, заполнен наполовину, ручкой). — Но спасибо, что ты об этом подумала, малыш. Сходим, когда у них будет концерт в “Голливуд-боуле”, ладно?»

И вот, прекрасно понимая, что меня ждет телефонная катастрофа, я включила запись на все часовое выступление, держала телефон над головой, пока танцевала и подпевала — слова я знала едва ли не всю свою жизнь, выучила эти песни раньше всех остальных. Очень была довольна, что записала, а теперь поплатилась.

«Ну, ладно, — не унималась Диди у меня в голове. — И какой у тебя план, Миллиган?»

Я кинула телефон обратно в сумку, вздохнула. Знала, как нужно поступить, но легче от этого не становилось. Нужно попросить у кого-нибудь зарядник.

Я обвела взглядом четырех оставшихся в зале, прикинула все за и против. Мужик средних лет спал на лавочке, на почти что лысой голове свирепо краснел солнечный ожог. Под большими

настенными часами сидела пара в наушниках, они вместе что-то смотрели на планшете. А напротив меня пристроился парень, тот самый, примерно моего возраста.

Выбрав его в качестве первого кандидата, я подалась вперед, чтобы взглянуть. Он прислонился к стене под закрытой кассой, лица было не видно. Сидел, положив ногу на ногу, склонившись над толстой книгой. Читал, время от времени рассеянно проводя ладонью по волосам. Сам факт, что у него с собой книга, был все равно что мираж в пустыне. Этот тип серьезно приволок книгу — причем в твердом переплете — на музыкальный фестиваль?

«И то верно! — обрадовалась у меня в голове Кэти. — Иди спроси у чувака с книгой. Он няшка».

«Какая еще няшка?» — фыркнула внутренняя Диди, закатывая глаза.

«Ты так не думаешь, а я да».

«Я не про суть, а про мерзкое словечко».

Я заставила себя встать, гадая по ходу дела, с чего это мне приходится слушать их перепалку, хотя их здесь нет, и заметила свое отражение в зеркальной вывеске за спиной.

«ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ДЖЕСС В НЕВАДЕ! КТО ЗДЕСЬ, ТОТ ДОМА».

Написано это было на зеркальном стекле белой и золотой краской, местами отшелушившейся. Шрифт был какой-то типа «старперский западный», а вот мой папа, владелец рекламной фирмы «Концепты Миллигана» наверняка бы сразу выдал его настоящее название.

Вывеска, люстра да и размеры помещения наводили на мысль о былой славе. Они как бы пытались сказать, что когда-то Джесс в Неваде был местом, куда хотелось приехать, процветающим городом, где, чтобы вместить всех приезжающих и отъезжающих, построили такой вот здоровый железнодорожный вокзал. Теперь город — хотя я видела его лишь мельком, пока мы тащились по нему, копя двигателем, — выглядел совсем иначе. Люстра и завитушки на зеркале плохо вязались с торговым автоматом, мигавшим неоновыми лампочками. Как мебель из «ИКЕА» в викторианском особняке.

Я немного потарасилась на свое отражение, оценивая, кого там вижу: Дарси Миллиган, восемнадцать лет и три месяца. Я слегка загорела, несмотря на то что исправно — как мне казалось — пользовалась кремом от загара. Тем не менее щеки порозовели (а это совсем лишнее, я и так краснею при первой возможности), а на носу и скулах появилась свежая россыпь веснушек. Волосы у меня были русые, волнистые — не кудрявые и не прямые, а где-то посередине — и иногда пушились. Темно-карие глаза, как у папы, — именно их посторонние обычно и замечали, потому что они совсем не вязались с цветом волос и кожи.

И пусть мне очень хотелось походить на папу и я даже сравнивала наши фотографии в поисках сходства, зеркало говорило правду. Выпирающий нос, густые брови, глубокие глазницы. Один в один моя мать Джиллиан — я никогда не звала ее мамой. Это было совершенно нечестно, ну зачем она вот так вот угнездилась на моем лице, при том что задержаться во всех прочих местах не потрудилась.

Впрочем, думать про Джиллиан мне сейчас совсем не хотелось. Я в последний раз оглядела себя, смахнула с щеки грязь, решила, что могло быть гораздо хуже, я ведь две ночи спала в палатке. Разгладила блузку, хоть и понимала, что эти складки уже никуда не денешь. Одета я была примерно так же, как и на протяжении всего фестиваля, — в джинсовые шорты и топ. Этот был белый, свободный, с вышивкой сверху. В сумке лежала папина винтажная толстовка с логотипом «Ястребов» на случай, если замерзну: думала, что пригодится по дороге домой, а пригодится, видимо, для ночевки на вокзале. Она осталась с папиных студенческих времен, а мне он ее подарил на Рождество, когда я была в восьмом классе, и я ею очень дорожила.

Я отвернулась от зеркала, убедившись, что выгляжу не опасной и в принципе совершенно нормальной («Ха», — в унисон выдали Кэти и Диди) восемнадцатилетней девушкой. Не так, как человек, который сейчас стырит чужой зарядник и исчезнет в ночи без следа. По чистой привычке я еще раз взглянула на сумку и палатку, которую взяла на время у Кэти и Диди: «МЕРЕДИТ» — было написано на ней огромными буквами, шрифтом «шарпи», — а потом решила, что куда мои вещи не денутся.

Пошла в сторону чувака с книгой — и тут обнаружила, что на месте его больше нет. Я тут же перегруппировалась и двинулась к паре, теребя браслетики на запястье. Нам всем их выдали по прибытии на фестиваль, мой означал, что у меня билет на три дня, что мне не исполнилось двадцати одного года, а значит, в пивные шатры мне нельзя, хотя Роми приложила массу усилий, чтобы попасть в каждый из них.

Я встала перед парой — они тарасились в планшет. Прокашлялась, ни один не отреагировал, я молча прокляла все наушники на свете, потом шагнула ближе и дотронулась до кроссовки девушки своей сандалией «Биркенсток».

Она подняла глаза, постучала парня по плечу. Оба вытащили наушники и вопросительно на меня уставились. Им, судя по виду, было немного за двадцать. На ней футболка с портретом Шарлотты Сэндс, на нем мерч от Бэд Банни.

— Здравствуйте, — сказала я, слегка помахав рукой. — Простите, что отвлекла.

— Ничего, — добродушно ответила девушка, а парень бросил тоскливый взгляд на экран планшета. — Дурацкая ситуация, да? Типа, они что, не могут быстрее автобус починить?

— Да! Точно! — затараторила я. Мне вдруг полегчало оттого, что не одна я считала эту ситуацию странной. — Я вообще не понимаю.

— У тебя все нормально? — спросила девушка, поглядывая на мои вещички. — Ты одна?

— Нормально, — поспешно подтвердила я. — Просто... у вас случайно нет зарядника для телефона? Ненадолго! Я свой, это, потеряла.

— Да, конечно!

Девушка дернула парня за руку. Тот вздохнул, отложил планшет и стал копаться в рюкзаке. По картинке на экране я поняла, что они смотрели фильм «Скотт Пилигрим против всех». Я его хорошо знала по подкасту про Эдгара Райта, который Кэти смотрела в десятом классе в киноклубе. Это была

сцена на вечеринке, где Скотт видит на другом конце комнаты Рамону и немедленно в нее влюбляется, одна из моих любимых.

— Держи. — Парень протянул мне шнур, я схватила — и тут же поняла, что ничего не выйдет.

— Ой. — Я повертела шнур в руках, как будто это могло что-то изменить. — А для айфона у вас зарядника нет?

Они дружно качнули головами.

— Андроид, — произнесла девушка.

— Ясно, — ответила я, возвращая зарядник. — Ладно... все равно спасибо.

— Если тебе понадобится кому-то позвонить, бери мой телефон, — предложила девушка, озабоченно сведя брови. — Просто попроси, идет?

— Мне кажется, у него айфон, — сказал ее друг. И указал туда, где раньше сидел парень с книгой. Пожал плечами. — Он точно вернется.

Я кивнула, улыбнулась краешками губ и пошла обратно к своим вещам. А если телефон действительно не удастся зарядить? Что тогда?

Уже почти добравшись до своего угла, я вдруг почувствовала, как меня постукивают по плечу.

— Я слышал, ты меня искала, — прозвучал голос.

Я обернулась — передо мной стоял парень с книгой. Вот теперь я смогла его разглядеть как следует.

И мое сердце — впервые в жизни — замерло.

Воскресенье

16:45

Я всегда верила в любовь с первого взгляда.

В любом романтическом фильме это был мой любимый момент: толпа расступается, они видят друг друга и тут же оба теряют голову. Неизбежная, негасимая искра, ощущение, что ты давно знаешь этого человека. Взгляд, в котором общая судьба, внезапное узнавание.

Когда наставала моя очередь выбрать фильм для киноклуба, я всегда выбирала про любовь. Неважно, что именно — трагическую безнадегу, слезливую сентиментальность, драму или комедию. Главное — любовь, любовь без страха и упрека — и всё, я на крючке. Кэти и Диди ныли, потому что Диди любила ужастики, а Кэти нравились боевики и мультики — но я с трудом терпела этих их кукол-привидений, крыса Реми и безостановочно бегающего Тома Круза. Если выбор за мной, мне, пожалуйста, страстные взгляды, танцы, разговоры и поцелуи под дождем. Мне, пожалуйста, осенние прогулки в Центральном парке, бег через весь аэропорт и сногшибательные откровения в Париже. Но главное — мне, пожалуйста, этот вот первый миг.

И хоть я бы ни за что не призналась в этом Диди и Кэти, я всегда твердо верила, что однажды то же самое случится

и со мной. Увижу — и сразу все пойму. Все окажется просто и ясно.

В средней школе я часто ходила на дискотеки в надежде, что когда-нибудь толпа расступится и для меня (по мнению Диди, мысль эту мне в голову заселили «Ромео + Джульетта» и «Вестсайдская история». Логично, они же оба из одного источника). С дискотек я неизменно возвращалась домой разочарованной, но продолжала верить, что в какой-то момент — в нужный момент — все это случится и со мной. Должно ведь, да? Я столько знала таких сюжетов.

Веры я не теряла, хотя на самом деле не происходило ничего даже отдаленно похожего. Был Brent Перкинс и мой первый поцелуй в нежном пятнадцатилетнем возрасте. Потом, прошлой осенью, я месяц встречалась с Алексом Петросяном, моим напарником на уроках химии, пока мы оба не поняли, что быть друзьями нам нравится больше. («Ну не сложилась у нас... химия», — объяснила я Кэти и Диди, а они застонали и принялись орать про каламбуры.) Мне доводилось целоваться с парнями в темноте на вечеринках, когда голова слегка плывет от теплого пива, мне доводилось в кого-то влюбляться издали и ждать, когда меня наконец заметят (чего, к сожалению, так и не случилось).

Мне нравилось флиртовать с парнями, но я пока еще ни с кем не спала и совершенно не расстраивалась по этому поводу. Я ждала обещанного — сказку. Бежишь навстречу своей единственной любви по выметенной ветром вересковой пустоши. Встречаешься с ним взглядом в толпе (или в школьном

спортзале, или на курорте в Кэтскильских горах, или в подпольном танцклубе).

Хотелось, чтобы подкосились колени. Чтобы меня буквально сбilo с ног. Хотелось в первую же секунду понять: это любовь. Так суждено.

Хотелось самую изумительную ночь.

И я много лет назад приняла решение ее дожидаться — зная, что рано или поздно все так и будет.

Поэтому, когда я вгляделась в парня с книгой и сердце вдруг забыло, что ему положено делать, мне показалось, что момент, которого я ждала всю жизнь, наконец-то настал.

Я страшно на себя разозлилась за то, что так сильно опешила — могла бы подготовиться заранее! А спустя секунду поняла, что на самом-то деле все должно происходить именно так.

Передо мной стоял решительно классный парень. Сантиметров на пять выше моих ста семидесяти, худощавый. Курчавые каштановые волосы, разделенные ровным пробором и откинутые назад, как у кинозвезды сороковых годов или Тома Холланда. Зеленовато-голубые глаза, а скулы такие, какие следовало бы запретить. Белые кеды, джинсы и идеально сидящая черная футболка. Уши совсем чуточку оттопыренные, за что я даже была благодарна, потому что без этого он казался бы пугающе идеальным. Он вежливо мне улыбался, явно понятия не имея, что желудок мой пошел крутить сальто.

«А ну собралась, Миллиган!» — заверещала у меня в голове Диди.

— Ясно, — сказала я, пытаюсь собраться с мыслями и сосредоточиться. — Прости. Что-что?

Я съежилась. Я что, не могу выражаться по-другому? Настал судьбоносный момент, а я несу вот такое?

— М-м. — Парень, слегка смутившись, указал на парочку с планшетом. — Они сказали, ты меня ищешь...

Я кивнула, пытаюсь очухаться и вести себя как вменяемая.

«Да ты по жизни невменяемая», — некстати выдала внутренняя Диди.

— Да. — Лицо у меня, полагаю, стало клубничного цвета, но я прекрасно понимала, что ничего не могу с этим поделать. — Они сказали, у тебя вроде айфон...

Он бросил на парочку настороженный взгляд, как будто призадумавшись, не шарили ли они в его вещичках.

— Ну... да.

— Мне нужен зарядник, — пояснила я. — Я у них спросила, но у них андроиды.

В его глазах мелькнул комический ужас.

— Что, честно?

Я рассмеялась:

— Люди-андроиды.

— Самые опасные из всех андроидов, — подтвердил он авторитетно. — Я такое в кино видел. Самое ужасное — это когда роботы ходят среди нас незамеченными.

— Если незамеченными, откуда нам знать, что они ходят? Может, они прямо сейчас здесь, а мы без понятия.

Он задумчиво посмотрел на меня, глаза раскрылись шире.

— Ну, я, в принципе, могу и не спать сегодня ночью. Подумаешь.

Я рассмеялась.

— Ну, это... ты мне не мог бы дать свой зарядник? Ненадолго. У меня аккумулятор почти сдох. — Я вытащила телефон из кармана и как раз успела увидеть, как на экране вспыхнул белый кружок, а потом экран почернел: агония айфона завершилась. — Вернее, совсем сдох.

Парень тут же перестал улыбаться, типа поняв всю серьезность моего положения.

— Ах ты ж. Прости, но у меня нет зарядника.

— Ой. — Интересно, как этот парень продержался три дня на фестивале без зарядника, но он, видимо, задавался тем же вопросом на мой счет. Может, он тоже приперся туда с безответственным знакомым по спортзалу, который потом смылся с его вещами. — Ты свой тоже потерял, да?

— Я просто чужими пользовался. И еще подумал, что подзаряжусь в автобусе.

— Стоп, а автобус еще здесь?

Он качнул головой:

— Его увез эвакуатор.

— Ай.

Он вытащил свой телефон, посмотрел на него:

— Мой тоже скоро сдохнет. Так что мы с тобой в одной лодке.

— Так себе лодочка. Я бы в другой поплавала.

— Бывают лодочки и похуже. Например, «Титаник».

— И та, что в «Жизни Пи».

— Такой не знаю.

— В ней был тигр.

— Паршивая лодка.

Я снова рассмеялась. В груди будто что-то бурлило, подбрасывало меня в воздух — вот сейчас ноги оторвутся от земли, а я и не замечу. Мне даже было без разницы, что я и тут пролетела с зарядником.

— Как думаешь, может, у него спросим? — Я кивнула на мужика, растянувшегося на скамье.

— В смысле... разбудим незнакомого человека и попросим об одолжении?

— Ну... типа того.

Парень сделал крошечный шагок в мою сторону, отчего сердце забилось в три раза быстрее. Скорее приятно, чем тревожно. Я вдруг поняла, что кроме подраться или оторваться от земли есть и другие способы вызвать прилив адреналина. Положительные, в хорошем смысле. Например — потанцевать. Подраться, оторваться от земли, покружиться в танце.

— Вот только я не уверен, что он проснется в хорошем настроении. У него солнечный ожог на голове.

Я приснула, потом резко зажала рот ладонью. Парень улыбался, улыбка у него оказалась изумительная, на все лицо, с демонстрацией совершенно ровных, невероятно белых зубов.

— А как такое вообще могло случиться? В смысле, если у тебя нет волос, шапкой-то можно обзавестись?

— Наверняка он сейчас задается теми же вопросами.

— Я к тому, что на фестивале шапку можно было купить где угодно. И даже за разумные деньги — типа тридцатки. — Я ждала, что парень подхватит тему о безумной дороговизне в Сильверспане: я могла бы выдать тираду по поводу буррито за двадцать долларов, что противоречит самому принципу того, для чего существуют буррито, — но он только кивнул.

— Да, согласен. — Он шагнул к мужику поближе. — Начнем с разведки.

— Разберемся, с чем имеем дело.

— Точно. Мы должны оценить ситуацию.

Как классно, что он говорит «мы».

— Кстати, я Дарси. Дарси Миллиган.

Он слегка вздрогнул:

— Дарси?

— Ага. Как в песне. — Он продолжал смотреть на меня без всякого выражения. — Песне «Ночных ястребов». — Я была в курсе, что не все мои сверстники знают эту группу, но ведь она же выступала в последний день фестиваля.

Он кивнул, будто пытаясь припомнить:

— Кажется, я ее слышал.

— Музыка для родаков, — усмехнулась я. — Но... мне имя выбирал папа, и вот... — Я выжидающе смотрела на него, и через секунду он все-таки сообразил, что ему положено ответить.

— Прости! Конечно. Я Расселл.

— Расселл, — откликнулась я эхом, пробуя имя на вкус. Изумительное имя. В нем почему-то звучали осень, одинокая

гитара и долгие поездки на машине под бескрайним небом. А главное, у меня не было ни одного знакомого с таким именем, его будто отчеканили для меня прямо сейчас. Мой первый Расселл.

— Расселл. Хенрион, — добавил он, подумав. Произнес с легким акцентом, скорее как «Анрион».

— Французская фамилия?

— А ты говоришь по-французски? — Он что-то протараторил, а я едва не хлопнулась в обморок. Кэти, у которой комната похожа на храм Тимоти Шаламе, сейчас бы вспыхнула как свечка. Классный парень говорит со мной по-французски! Ну, это уже вообще. Я мысленно прокляла себя за то, что в школе выбрала испанский — плюс, по неведомой причине, латынь. И проку мне от них сейчас?

— Э-э, гм, нет. В смысле, *non*.

Он улыбнулся:

— У меня мама француженка. Так что волей-неволей пришлось научиться.

— Ну... рада познакомиться, Расселл.

— *Et vous aussi*. В смысле, и я с тобой, Дарси.

На миг взгляды наши встретились, и мне вдруг страшно захотелось оказаться в какой-нибудь более формальной обстановке, где можно без смущения пожать друг другу руки. Например, в бальной зале из романа Джейн Остин, где сейчас начнут танцевать... павану или что-нибудь в таком роде. Мне казалось, что, если наши ладони соприкоснутся, полетят искры.

Он улыбнулся краешком рта — блин, и чего я все таращусь на его губы, — и, пока мы вглядывались друг в друга, я позволила себе подумать: а вдруг и он чувствует то же, что и я. Вдруг ему тоже хочется коснуться моей руки. Может, и для него в тот миг, когда он меня увидел, мир впервые перевернулся.

Так бывает?

— Ладно. — Он оторвал взгляд от моего лица, откашлялся. — Короче. Разведка. Обойдем объект по кругу, понаблюдаем.

— Будем высматривать признаки присутствия айфона.

— Если ничего не выйдет, начнем издавать звуки или что-то в этом роде, чтобы он проснулся, а потом воспользуемся моментом и расспросим его про зарядник.

— Толковый план.

— Спасибо.

Он ухмыльнулся, и мы крадучись подошли к спящему. Я заметила, что девушка, когда мы проходили мимо, подняла глаза и улыбнулась мне — коротко, но с пониманием.

Мы подошли к обгоревшему типу — он спал на боку. Вблизи голова его выглядела даже хуже — неровно-бурая кожа, местами уже шелушащаяся. Расселл посмотрел на меня, беззвучно произнес: «Фу», — мне пришлось крепко сжать губы, чтобы не рассмеяться.

Свои пожитки мужик запихнул под скамью, на которой спал: палатка в чехле, как у меня, большой походный рюкзак. К сожалению, рюкзак был застегнут на молнию, а рыться в чужих шмотках я не собиралась. Одно дело — оценить ситуацию,

другое — решиться на нарушение закона. Я встретила с Расселлом глазами, качнула головой — и поняла, что он пришел к тому же выводу. Я как раз отступила на шаг — и тут мужик громко, раскатисто всхрипнул. Перекатился на спину, рука свесилась со скамьи почти до самого пола. В руке у него был телефон.

Андроид.

Я указала на него, Расселл кивнул. Мы вернулись в другой конец зала, где лежали мои вещи и откуда спящий, обгоревший, храпящий неяблочник не мог нас услышать. Расселл затряс головой.

— Вообще жуть. Тут что, полный вокзал андроидов?

— Спасибо, что попытался помочь.

— Я, в принципе, не бескорыстно. Мой телефон тоже вот-вот вырубится.

Я кивнула. Повисло молчание, и я вдруг сообразила, что не понимаю, что происходит. Сердце упало при мысли, что, может, все закончилось. Мы что, сейчас разойдемся по разным углам, и ну их эти шуточки, французский и искры? Все... в прошлом? Но ведь этого не может быть, верно? Если все именно так, как я надеялась.

— В общем, — сказал Расселл. — Когда мы проезжали через город, я заметил несколько мест. Не кучу, но попытаться стоит. Может, кто-то даст нам зарядник на время или мы купим новый.

Волна облегчения была как холодный напиток в знойный день. Нет, не кончено. Все — возможно — только начинается.

— Что скажешь, Дарси? Идем на поиски?

Я кивнула. На самом деле я в тот момент хотела одного: поставить время на паузу, притянуть к себе Диди и Кэти и рассказать им, что со мной произошло и что происходит вот прямо сейчас. Как оно все получалось у этих влюбившихся с первого взгляда в кино и книгах? Как они удерживались, чтобы не рвануть к лучшим друзьям и не поделиться новостями? Я хотела, чтобы в приключении случилась пауза, чтобы осознать, что приключение все-таки началось.

Ведь что-то действительно началось. Я это чувствовала нутром. Как будто поднялся занавес, и я сейчас сыграю роль, о которой мечтала всю жизнь, назубок выучив текст.

И пусть сейчас с Диди и Кэти не поговоришь, ничего, я им потом все расскажу. Вдруг оказалось, что сюжет этих выходных будет не про то, как меня бортанула Роми, а про Расселла. Роль Роми в этой истории почти что сошла на нет: из злодейки она превратилась в статистку.

— Пойдем, — произнесла я, чувствуя, что краснею. — В смысле, я согласна. Поищем. Давай.

Я перекинула холщовую сумочку через плечо, подхватила палатку и большую сумку. Тут же почувствовала, как тяжело.

— Уф.

— Может... — Расселл потянулся к палатке, потом замер, отдернул руку. — Давай я?

Я кивнула, он перехватил у меня палатку в чехле.

— «Мередит», — прочитал он.

— Я взяла на время у лучших подруг. Палатка их родителей.

— Твои лучшие подруги — сестры?

Я кивнула. За долгие годы я наслушалась комментариев на эту тему: а не странно ли это? А которая из двух мне ближе? А не чувствую ли я иногда себя лишней? И я никогда не знала, как объяснить, что меня все устраивает — с того самого дня, когда мы в седьмом классе впервые оказались вместе в школьной столовой. А зная Диди и Кэти, я могла сказать, что и их тоже все устраивает. Они так близки, что, если бы кто-то решил дружить только с одной из них, между ними прошла бы здоровенная трещина.

— Они двойняшки.

— Классно вам, наверное.

— Еще как.

Он улыбнулся, я задержала дыхание, будто готовясь выпалить все вопросы, которые у меня накопились. Потому что мне хотелось знать про него все. Откуда он, какое у него второе имя, какую пиццу он любит больше всего, кем хотел стать в пять лет, кем хочет сейчас. Мне нужно было все, до мельчайших подробностей. Я увидела вдалеке огромную неизведанную страну, и она манила меня новыми открытиями.

Расселл поднял палатку, подошел к ближайшей скамье, затолкал под нее.

— Что скажешь? Надежно?

Я кивнула и засунула туда же большую сумку. В конце концов, посторонних тут всего трое, и вряд ли кто-то из них сопрет мои вещи. А если даже и сопрут, никуда они с ними не денутся.

Мы же все тут застряли. Я перекинула холщовую сумку через плечо — в ней почти ничего не было, кроме толстовки с «Ночными ястребами», солнечных очков, половины зернового батончика и крошечной косметички.

— Ты свои вещи тоже сюда засунешь? — спросила я. Огляделась, но там, где раньше сидел Расселл, лежал только маленький черный рюкзак.

— Со мной порядок, — сказал Расселл, подходя к рюкзаку и закидывая его на спину. В процессе футболка задралась немало, передо мной мелькнул его живот — и во рту вдруг пересохло.

— Как, это все твои вещи? — Я пыталась это осмыслить. Сама я взяла минимум — хотя Роми перед отъездом постоянно командовала, что мне нужно захватить, и забрасывала меня сообщениями, — но у меня все равно получилась целая дорожная сумка.

— Да. Я... э-э... — Он опустил глаза в пол, выдохнул. — Я переругался с парнем, с которым туда приехал. Не захотел возвращаться с ним вместе, просто взял рюкзак и сел в автобус.

— У меня та же история! Роми, девчонка, с которой я приехала, рванула в Палм-Спрингс с какой-то компанией «еще потусить».

Расселл скривился, примерно так же, как и я, когда Роми мне об этом сообщила. Я рассмеялась. Обалдеть — мы тут оказались по одной причине. Похоже, это не просто совпадение. Может, знак?

«Безусловно знак!» — подтвердила Кэти.

«Знак чего? — скептически уточнила Диди. — Может, Обгоревшего тоже приятель бросил. Чего ж ты с ним не пообщаешься?»

«Наплюй на нее, — посоветовала Кэти. — Это явно что-то значит. Не сомневаюсь».

— Я тебе очень сочувствую!

Расселл сделал вдох, вроде как собираясь что-то ответить, потом выдохнул и просто улыбнулся.

— Да ладно, — сказал он, поймав мой взгляд и удерживая его. — Если честно, сейчас я ему за это даже благодарен.

Щеки мне обдало жаром, но я заставила себя не смотреть в пол.

— Я тоже, — выдала я и только потом сообразила, что говорю чушь. — В смысле, я благодарна своей спутнице. С фестивалю... которая сбежала... — Я умолкла. — Ладно, проехали. Идем?

Он кивнул, подошел к выходу, открыл дверь.

— После тебя.

Я попыталась устоять на ногах — Диди любила порассуждать о том, какое впечатление на девочек производят элементарные признаки хорошего воспитания, — а еще не могла не заметить, какие у него красивые руки: бицепсы, предплечья, крупные ладони. Я на миг оглянулась: вещи мои лежат под скамейкой, лысый мужик по-прежнему храпит, парочка смотрит фильм. Девушка глянула на меня, явно желая сказать: «Давай, действуй!» — и я улыбнулась в ответ.

Попыталась остановить мгновение, сделать мысленный снимок для потомков. Потому что я не сомневалась: именно сейчас оно и начинается. Джесс и Селин вместе выходят из поезда, Тони и Мария ныряют под трибуну, Джек и Роза прогуливаются по палубе. Тот самый миг, когда меняется абсолютно все.

Я вздохнула. А потом шагнула вперед, за порог автовокзала, в предвечернюю Неваду, готовая к началу нашего сюжета.